

**ХУАНО
КОРТАСАР**

Свиста взвояет

Возьме тебе такое не приснится...

СТИЛЬ
НОВЫЙ

Хулио Кортасар Гардель

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155995

*Хулио Кортасар «Сиеста вдвоем», серия «Новый стиль»: КРИСТАЛЛ;
Санкт-Петербург; 2002*

Аннотация

«Сиеста вдвоем» – коллекция избранных произведений классика мировой литературы аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914 – 1984). В настоящем издании представлены наиболее характерные для автора рассказы, написанные в разные годы.

За исключением рассказов «Здоровье больных» и «Конец игры» все произведения печатаются в новых переводах, специально подготовленных для настоящего издания.

Все переводы, составившие книгу, выполнены Элой Владимировной Брагинской.

Содержание

Хулио Кортасар

Гардель

Еще несколько дней тому назад лишь какой-нибудь парижский воробышек за моим окном с видом на улицу Жан-тий, напоминал мне об Аргентине. Такой же веселый, безмятежный, такой же бездельник, как наши, которые вечно купаются в фонтанах или в пыли на площадях.

Но вдруг мои друзья принесли мне на время витролу¹ и несколько граммофонных пластинок Гарделя. И я неожиданно понял, что слушать Гарделя надо только так, – на граммофонных пластинках, вопреки всем искажениям и потерям, какие можно представить. Из витролы выплескивается тот самый голос, какой был хорошо знаком тем аргентинцам, кому не довелось увидеть его на сцене. Именно этот голос летел из всех окон и дверей в двадцатых годах, «Гардель-Россано»² – знаменитый дуэт той поры: «Девушка из Кордовы», «Лягушонок и хитрая ласка», «Мой край родной» и его сольное пение, высокий, весь в хрипловатых изломах голос под пристук металлических гитарных струн и глухой скрип, где-

¹ Старинный граммофон в виде тумб-шкафчиков из различных ценных пород дерева со скрытым рупором.

² Россано, Хосе – известный аргентинский певец и гитарист двадцатых-тридцатых годов.

то в самой глупи граммафонных труб, то зеленых, то розовых: «Моя печальная ночь», «Бокал забвенья», «Он был грозой предместья». Покрутить ручку граммафона, наставить иглу, похоже, это – непременно ритуальное действие, перед тем как услышать Гарделя. Вот на электропроигрывателе – совсем иное, это пора взлета Гарделя, его прихода в кино, славы, а она вынуждала на предательство и измену самому себе. Это уже в далеком прошлом, в маленьких двориках в часы, когда потягивают мате, или в летние ночи при первых электрических лампочках, когда Гарделя слушали, собравшись у нехитрого детекторного приемника, вот где он был самый настоящий, вот где он плоть от плоти своих танго, и таким вживился в людскую память. Нынешняя молодежь предпочитает танго «В тот день, когда меня полюбишь»; оркестр, старательно опекая прекрасный голос Гарделя, подталкивает его к оперному пафосу и слащавости. Нам ли, выросшим в тесной дружбе с первыми граммафонными пластинками, не знать, как много всего было утрачено на пути от «Цветка в грязи» к «Моему любимому Буэнос-Айресу», от «Моей печальной ночи» до танго «Глаза его закрылись». Резкий сбой в моральном климате стал причиной этой перемены, как и многих других перемен в нашей тогдашней жизни. В танго Гарделя двадцатых годов живет и говорит о себе портеньо³, вполне довольный в своем замкнутом мирке.

³ Портеньо – коренной житель Буэнос-Айреса. Портеньо с окраинных районов города – социальный тип людей, отличающихся особым повеленьем, их можно

Боль, измена, бедность еще не обернутся тем ожесточением, тем душевным надрывом, которые вначале нового десятилетия станут выражением агрессии нового поколения столицы и провинции. Последний и скудеющий запас природной чистоты еще оберегает певца от сентиментальной мути болеро и радио-театра. Гардель живет без шумных историй, но потом, после смерти, сразу становится легендой. Его любят, им восхищаются, как восхищаются Леги или Хусто Суаресом ⁴, он сам дарит дружеское расположение и легко отвечает на него, но все это обходится без малейшей примеси эротики, на которой, собственно держится успех певцов, заезжих с тропиков. Гардель не потакает дурному вкусу и не использует дешевые трюки, какими зарабатывает популярность Альберто Кастильо ⁵. Когда Гардель поет танго, стиль его пения – это истинно народный стиль, вот почему аргентинцы сделали его своим кумиром.

Отчаяние или гнев мужчины покинутого женщиной, это конкретное отчаяние и гнев, – они означены именами: Пепа, Хуана, Анна – а не просто повод для безликого выплеска скопившейся агрессии, которую легко услышать в голосе истеричного певца, столь созвучного истерии его поклонников. Как отличается *моральный* настрой, с каким Гардель

было отличить по манере одеваться, в частности по яркому шейному платку.

⁴ Хусто Суарес (1909 – 1939) – знаменитый аргентинский боксер.

⁵ Альберто Кастильо (р. 1914) – известный аргентинский певец, киноактер и исполнитель танго.

поет «Далекий Буэнос Айрес, ты мил моей душе», от остервенелого завывания Кастильо в «Прощай, моя пампа», и это было predetermined тем сломом в духовной жизни народа, о котором я веду речь. Стало быть, не только серьезное искусство способно отражать процессы, происходящие в общественной жизни.

Я снова и снова слушаю танго Гарделя «Теперь мы в расчете», которое ставлю выше всех его танго и других его записей. Слова танго – это как бы неминуемое сведение баланса жизни так называемой продажной женщины. В немногих строках заключена вся «сумма действий» и безобманное предчувствие печальной развязки. Певец, горюя о судьбе этой женщины, с которой когда-то был связан, не испытывает ни злобы ни презренья. Исходя тоской в думах о бывшей подруге, он верит, что она, вопреки своей разоренной жизни, всегда была хорошей женщиной. Что бы там ни было, но он до последней минуты будет отстаивать ее душевную чистоту и желать ей добра.

Быть может, это танго так мне по душе, потому что именно оно передает самую сущность таланта Карлоса Гарделя. При том, что танго Гарделя охватывают все регистры аргентинской сентиментальности – от жгучей уязвленности до упоения песней ради песни, от восторга, испытываемого на скачках, до глоссы какому-то преступнику, – золотой серединой его искусства, его безукоризненным образцом останется это танго, несколько созерцательное, пронизанное

тем покоем, который мы, пожалуй, потеряли безвозвратно. Слишком нестойким было это душевное равновесие на исходе и время требовало оголенной чувственности или горькой усмешки, словом всего, что сегодня обрушивают на нас громкоговорители и модные пластинки, однако Гардель, к счастью, сумел навечно запечатлеть самый прекрасный момент этого драгоценного равновесия, самый надежный, а для многих из нас – самый главный и неповторимый. В его голосе этакое бесшабашного портеньо, как в звучащем зеркале, отражается Аргентина, которая постепенно уходит из нашей памяти.

Я бы не хотел оставить эти страницы без двух историй, вполне на мой взгляд, здесь уместных.

Первую расскажу не без задней мысли, или вернее, в укор слишком изошренным музыковедам. Итак, в одном из ресторанов на улице Монмартр между порциями мидий «а ла маринер» я вдруг затеял разговор с Джейн Батори о моей любви к Гарделю. И вот что услышал в ответ. Оказывается, она волей случая познакомилась с ним в самолете. «Ну и как вам Гардель?» Голос Батори, этот голос, пропустивший через себя все глубинные смыслы Дебюсси, Форе и– Равеля звучал прочувственно: «И était charmant, tout a fait charmant. C'était un plesir de causer lui». И затем со всей искренностью: «Et quelle voix!»⁶

⁶ Он был очарователен. Ну просто очарователен. Болтать с ним – одно удовольствие... И какой голос! (Фр.)

Вторую историю мне рассказал Альберто Хирри ⁷ и в ней, по моему, воплощена вся сила безоглядной любви к Карлосу Гарделю. На южной окраине Буэнос-Айреса в одной из киношек, где крутили фильм «Под откос» ⁸, возле дверей стоит в очереди портеньо из этих, с ярким шейным платком. Его приятель кричит ему с другой стороны улицы: «В кино собрался? А какая картина?» И тот невозмутимо: «Какая-никакая, там наш поэт...»

⁷ Альберто Хирри (1918 – 1991) – аргентинский поэт, один из лучших переводчиков англоязычной поэзии.

⁸ «Все под откос» (1934) – испанский звуковой фильм, где в главной роли снимался Карлос Гардель